[[Мгновения до Совета]]

"Профессор Дамблдор", - нахмурился Снейп, поспешив за директором. "Он наследник единственного Салазара Слизерина. Должно было быть очевидно, что подобное может произойти".

"Но чтобы василиск появился в его семейной сокровищнице и чтобы его держали в качестве охранника..." Дамблдор прошелся по коридору. "Василиски - звери, которых боится даже Министерство, и как бы я ни хотел, чтобы эта ситуация не стала достоянием других, Министерство должно знать".

Дамблдор еще мог скрыть ситуацию, но он знал, что с Себастьяном со временем все станет хаотичным. Поэтому в их интересах было защитить свою территорию и не потерять репутацию Хогвартса.

"А что, если остальные узнают об этой ситуации?" спросил Снейп, которому не нравилась мысль о том, что пресса и другие беспринципные крысы будут стекаться в Хогвартс.

"Не узнают". Дамблдор заверил: "Я позабочусь о том, чтобы министерство никому не передало эту информацию".

Это было смелое заявление, Снейп знал это. Но Снейп также знал, на что способен Дамблдор. Не только благодаря своей магии, но и политическим способностям.

"И даже если они это сделают, нам не придется бояться".

"Вы хотите сказать..." Глаза Снейпа впились в спину Дамблдора, но ни один из них не сделал паузы.

"Мы проведем церемонию сортировки для Себастьяна, как только он вернется". Дамблдор заявил: "Он одарен. Он может использовать беспалочковую магию, не причиняя себе вреда и не теряя магической силы. Поэтому мы проведем сортировку до покупки палочек и книг".

Дамблдор нарушал множество правил и обычаев, но Снейп не мог пожаловаться.

Он знал, что так будет лучше.

"Я свяжусь с министерством и подготовлю судебное разбирательство". Дамблдор сказал: "Если мы выиграем, василиск окажется под Себастьяном и Хогвартсом, и даже если мы проиграем, мы предотвратим потерю репутации, не скрывая присутствия почти вымершего зверя".

Снейп кивнул: "Это... будет к лучшему".

Однако Снейпа все еще что-то беспокоило.

"Сэр..." Из того, что я читал, следует, что Салазар Слизерин был очень гордым человеком, но не слишком заботился о богатстве. И нет никаких причин делать василиска стражем каких-то могил, даже если это могилы его собственных детей".

"Одной его магии было бы достаточно, чтобы защитить могилы". сказал Дамблдор, поняв, что хотел сказать Снейп. "И он не заботился о богатстве, так что держать василиска... Он что-то скрывал. Нет, он что-то защищал".

"И вы верите, что Себастьян знал об этом?"

Дамблдор промолчал на этот счет.

"Даже если бы он знал, нет причин, по которым он рассказал бы нам правду". Снейп понял ситуацию.

"Действительно. И в данный момент мы можем только строить догадки". Дамбелдор слегка нахмурился: "Предполагать, что за сокровище было у Салазара, чтобы хранить василиска, а Себастьяну лгать".

...

...

"Есть много причин".

сказал Себастьян, когда они с Хагридом шли по освещенной дорожке.

"Есть много сокровищ, которые стоят дороже золота, и знаний, которые бесценны".

Это была правда.

Свитки, травы и книги, которые здесь были, были гораздо ценнее любых сокровищ.

"А мой дед был горд. Он никогда бы не позволил любому волшебнику залезть в свою сокровищницу и осквернить могилу своих детей и моих родителей. Поэтому у него было множество причин оставить Атласа хранителем этой сокровищницы".

Себастьян скрыл правду о некой книге заклинаний, которую он добыл.

Как только Атлас узнал Себастьяна и кровь наследника соприкоснулась с печатью, она открылась, и книга заклинаний, которую Салазар оставил своему наследнику, оказалась в руках Себастьяна.

Еще до появления Хагрида Себастьян немедленно поместил книгу в свой пространственный инвентарь, замаскировав магию, которую книга излучала.

Книга не была чем-то, о чем должен знать кто-то, кроме него, и хотя он был уверен, что на ней стоят печати, не позволяющие читать ее никому, кроме истинного наследника Салазара, все равно будет неприятно, если об этом узнают власти.

Лучше держать это при себе, чем потом куча чиновников будет умолять его рассказать о содержании книги.

"Я понимаю". Хагрид кивнул, поверив его словам. "Но как только об этом сокровище узнают остальные, хотя оно и останется твоим, тебе придется пройти через множество юридических процедур, чтобы сохранить его за собой, и, возможно, даже заплатить немало налогов."

Именно по этой причине он не собирался сообщать властям о книге заклинаний.

И хотя его раздражало, что они будут присматриваться к травам и другим артефактам, для Себастьяна это были вещи, не имеющие особого значения.

Он, конечно, собирался проверить и оставить при себе вещи первостепенной важности, но если власти потребуют что-то, он не будет против отдать немного золота.

Кроме того, была еще одна вещь, которую, как он знал, можно было использовать, чтобы сохранить большую часть, если не все наследство.

"Мы... близки".

Но, сделав еще несколько шагов, он подумал не о деньгах, а о чем-то совершенно другом.

"Можно ли... можно ли мне здесь находиться?" спросил Хагрид.

"Ты уже зашел внутрь, так что ничего особенного делать не нужно". Себастьян пожал плечами: "Не стесняйтесь, идите за мной".

Хотя он так и сказал, чувствовал он себя по-другому. И Хагрид это заметил.

"Я... подожду здесь". Хагрид сказал, понимая, что ему лучше не идти за ним.

Это удивило Себастьяна, но он был рад этому.

"Спасибо".

Себастьян не сказал этого, но он знал, что Хагрид - хороший человек. Его легко было понять, и он отражал свои мысли на лице, что совершенно не походило на Дамблдора.

Пройдя несколько минут по заколдованной пещере, Себастьян наконец что-то заметил.

"Воздух... кажется спокойным".

Воздух вокруг него стал намного спокойнее, чище и комфортнее.

"Он никогда этого не показывал". Лицо Себастьяна смягчилось: "Он всегда был строгим отцом для них и строгим дедом для меня".

Он подошел к источнику чистого воздуха.

"Но он любил их". Себастьян почувствовал себя свежим: "Мой отец был его сыном, как и дядя. И каким бы строгим он ни был, он заботился о них".

Тот факт, что могилы находились в его сокровищнице, означал, что его родители действительно умерли раньше него, что было трагедией для любого отца, но ничего нельзя было поделать.

Он нервничал, пока шел.

"И неважно, что... неважно, что меня игнорировали..."

Он сглотнул: "Я все еще их сын".

Наконец он увидел ее.

Луг.

Луг, наполненный ароматом цветов и спокойствием природы.

Пройдя через каменную пещеру, он ступил на волшебный луг - мягкую и красивую траву.

Свежий воздух, спокойствие и сладкий аромат окружили его.

Все вокруг изменилось, и он почувствовал себя в совершенно другом месте.

"Вот они!"

А в глубине прекрасного луга лежали два камня.

Не камни, а прекрасные мраморные конструкции.

"Почему это больно?"

спросил он себя.

Он подошел ближе, но понял, что никогда не сможет быть так близко к ним, как ему хотелось.

"Вы двое никогда не проявляли обо мне особой заботы".

Его шаги были маленькими и медленными, но они все равно приближались к двум мраморным сооружениям.

"Вы двое оставили меня на попечение деда, а сами всю жизнь работали".

Себастьян разозлился, он почувствовал отвращение.

"Ты думал, что это заставит твоего отца гордиться тобой?"

спросил он, не замедляя шага.

"Неужели ты так жаждал его внимания, что оставил меня, своего сына, без всякого внимания?"

Его кулаки сжались, на сердце стало тяжело, а голос стал низким.

"Разве в итоге ты не поступил со мной так же, как твой отец поступил с тобой?"

спросил он, но знал, что не получит ответа.

"Я ненавижу вас обоих, ты знаешь это?"

сказал он, стоя в нескольких футах от могил.

"Дедушка был худшим опекуном". Он оставлял меня одного учиться, ругал за простейшие ошибки, кричал на меня за то, что я испортил заклинание, которому даже не должен учить ребенка".

Любой мог почувствовать боль в его голосе.

"Но в конце концов... я знал, что он был рядом со мной. Сколько бы он ни оставлял меня одного, каким бы строгим он ни был..."

Его кулаки сжались сильнее.

"Он все равно бросался ко мне каждый раз, когда я получал травму, каждый раз, когда я падал, и каждый раз, когда я плакал". Он пробормотал: "Он был хуже всех. Но он был рядом со

мной".

Он прошел еще несколько шагов, пока не оказался в дюйме от ступеньки, и упал на колени.

"Я ненавижу вас обоих".

заявил он.

"Но я также люблю вас".

Слова, одновременно противоречивые и искренние.

"Может, мы просто такие".

Его глаза были немного влажными, не плачущими, но немного мокрыми.

"Несмотря на то, что отец игнорировал тебя большую часть жизни, ты все равно любил его и добивался его признания". Себастьян сказал: "И может быть... может быть, я такой же".

Он закрыл глаза: "В конце концов, вы двое все еще мои родители, и я все еще здесь. Несмотря на годы неведения".

Несмотря на боль, он улыбнулся.

"Несмотря на все это, вы все еще мои родители, и я все еще люблю вас".

Это чувство разделяли почти все дети.

http://tl.rulate.ru/book/103925/3638705